

ственной инициативе либо на момент выявления факта совершения ими административного правонарушения уже не опасны (к примеру, случаи, когда сотрудники ОВД выезжают на вызов, совершенный по линии 102 по поводу семейного скандала, и по приезде его не застают, а «скандалист» уже прекратил противоправные действия).

В связи с вышеизложенным полагаем необходимым внести изменения в п. 1 ч. 2 ст. 8.2 (Административное задержание физического лица) ПИКоАП, касающиеся пресечения противоправной деятельности.

Кроме того, на практике существует такая ситуация, что многие граждане не понимают (иногда просто не осознают), почему к ним применяют административное задержание (не всегда правонарушитель понимает, что он совершает действие (бездействие), нарушающее общественный порядок или чьи-то права, охраняемые законом, под угрозой наказания).

В таких случаях, возникает объективная необходимость перед административным задержанием объяснить лицу, что он подвергается конкретно «административному задержанию», основания и проступок, за который происходит задержание, предполагаемые сроки и последствия задержания.

Однако на практике сотрудники органов внутренних дел редко это объясняют (тем более, непосредственно в сам момент задержания), что, на наш взгляд, и приводит порой к неоправданному сопротивлению со стороны людей. Так как этот важный момент, предшествующий задержанию, не урегулирован в ПИКоАП, соответственно нет норм, обязывающих сотрудника органа внутренних дел объяснять предполагаемому правонарушителю все вышеперечисленные положения.

В связи с вышеизложенным полагаем необходимым дополнить ПИКоАП ст. 8.3-1 со следующим названием: «Разъяснение физическому лицу обстоятельств административного задержания в целях пресечения противоправной деятельности».

УДК 347.131

В. П. Маковий

Одесский государственный университет внутренних дел (Украина)

СУЩНОСТЬ ВРЕМЕНИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ И ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Время как физическая величина нашло свое отражение и в социальных процессах, поскольку проявляется через психическое восприятие индивидуумами происходящих в обществе событий в соответствующей системе измерения. Именно временные ограничения создают определенный порядок в проте-

кании целого ряда явлений, в том числе и социального происхождения. Среди наиболее значимых социально обусловленных явлений в современном гражданском обществе право занимает одну из приоритетных позиций. В связи с этим рассмотрение любых правовых категорий невозможно без учета времени, обличенного в соответствующую правовую конструкцию.

В соответствии со Всеобщей декларацией прав человека обеспечение прав и свобод человека является приоритетным видом деятельности государственного механизма, подобное отражено в основных законах государств современности (ст. 3 Конституции Украины, ст. 2 Конституции Республики Беларусь). При этом возникает вопрос ограничений, которые в соответствии с приведенными нормативно-правовыми актами могут устанавливаться действующим законодательством с целью установления паритетного соотношения, равновесия между частным и публичным интересом, средствами и формами их удовлетворения. Именно время выступает подобным ограничением, поскольку определяет временные границы осуществления субъективных прав в той или иной отрасли права. Рассмотрение данного вопроса весьма актуально для гражданского права как базисной отрасли частного права, призванного максимально обеспечить правовые средства для удовлетворения частного интереса. Однако, поскольку длительный период судьба природы времени в гражданском праве была связана с его сущностью в гражданском процессе, а также в функциональном единстве таких правовых отраслей, то целесообразно рассматривать это вопрос совместно. При этом изложение материала построено с учетом широкого понимания времени как правовой категории, под которой подразумевается структурированная совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные непосредственно с применением временных величин.

Итак, последняя советская кодификация гражданского законодательства на территории Украины представлена Гражданским кодексом (далее – ГК) УССР 1963 года, в котором нормы, регламентирующие применение времени в качестве границ осуществления определенных гражданских прав и выполнения соответствующих гражданских обязанностей, находятся разрозненно в зависимости от места того или иного института, который регулирует эти правоотношения, в системе гражданского права. При этом наиболее развитым среди правового времени в указанном нормативно-правовом акте был институт исковой давности. Вместе с тем в ГК УССР присутствовали бланкетные нормы, которые отсылали, в частности ст. 85, к Гражданскому процессуальному кодексу (далее – ГПК) УССР, а именно ст. 86, 87, в части определения порядка исчисления всех гражданско-правовых сроков.

Вышеизложенная конструкция правовой регламентации времени в рамках ГК УССР несколько не соответствовала порядку исчисления материальных сроков в сравнении с процессуальными, на примере правил окончания сроков согласно ст. 87 ГПК УССР, где привязка осуществляется к административной

деятельности судебного органа, а также в пределах соответствующего процессуального действия. Подобным образом ст. 86 ГПК УССР четко нормировала концептуальные аспекты исчисления сроков: сроки, установленные законом или назначенные судом, исчисляются годами, месяцами и днями, а также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить. Особенностью процессуальных сроков, в том числе и правил их исчисления, является императивность нормативных предписаний, в то время как гражданско-правовых – их диспозитивность, в определенных случаях диспозитивно-императивный характер с приоритетом первого. Поэтому положения ст. 86 ГПК УССР для определения порядка исчисления гражданско-правовых сроков имели более распространенное толкование как по содержанию, так и по форме. Следует указать, что несмотря на унифицированный подход к урегулированию правовой регламентации времени в пределах союзного гражданского и гражданско-процессуального законодательства ГК Белорусской ССР, в отличие от ГК Украинской ССР, не содержал подобных бланкетных норм, которые бы увязывали порядок исчисления процессуальных и материальных сроков.

Принятие и вступление в силу ГК Украины 2003 года расставило точки над *i*, в том числе относительно определения места, сущности, видов, порядка исчисления времени в гражданско-правовых отношениях. Наиболее выгодно выделяющейся особенностью ГК Украины стало структурирование и подача нормативных предписаний, согласующихся с пандектной системой построения кодифицированного акта, в том числе и в правовой регламентации времени. В связи с этим в Кодексе появились общие нормы о времени в гражданском праве (раздел V «Сроки и даты. Исковая давность»), где четко были разграничены срок как период времени, с истечением которого связано действие или событие, имеющее юридическое значение, а также дата как момент во времени, с наступлением которого связано действие или событие, имеющее юридическое значение. Изложенные нормы общих положений о времени в гражданском праве предоставляется возможным дифференцировать в свою очередь на универсальные положения о сроках (датах) в гражданском праве (ст. 251–255) и положения об исковой давности (ст. 256–268).

ГК Украины довольно дифференцированно подошел к характеристике видов гражданско-правовых сроков и дат, которые могут быть определены сделкой, предписанием законодательства или судебным решением. Значимым явилось выделение вместе с общей правовой регламентацией гражданско-правовых сроков сущности, порядка истечения и некоторых смежных вопросов применения исковой давности. Такая законодательная позиция объясняется, очевидно, универсальностью применения данного вида срока практически во всех гражданско-правовых отношениях, а также значением его как темпорального средства к устранению длительной неопределенности в общественных правоотношениях, их стабилизации и упорядочивания во благо гражданскому обороту.

Исходя их пандектной системы построения ГК Украины, кроме общих положений, которые регулируют применение времени в гражданско-правовых отношениях, также содержит ряд специальных норм в рамках соответствующего правового института, например, ст. 334 (право собственности), ст. 425 (право интеллектуальной собственности), ст. 530 (обязательство), ст. 631 (договор), ст. 1200 (обязательство по возмещению вреда, причиненного смертью потерпевшего), ст. 1220 (наследственное право).

Структура и содержание правовых норм, регламентирующих применение времени в ГК Республики Беларусь, в полной мере повторяют изложенные положения ГК Украины. При этом несколько разнятся нормы общей части в отличие от белорусского гражданского законодательства украинское, как было обозначено выше, целесообразно вычленяет понятие даты и срока, при том что первое не содержит дефиниции срока как темпоральной правовой категории. Действительно, ст. 191 ГК Республики Беларусь определяет категории, которыми может исчисляться срок, а именно календарной датой или истечением определенного периода времени. Подобное определение скорее обосновывается сущностью теории нулевого или мгновенного периода времени, когда начало и окончание промежутка времени сливаются в определенном моменте, с наступлением которого связывается то или иное действие либо событие, имеющее юридическое значение. Исходя из изложенного, следует заключить о более рациональной конструкции «срок–дата», которая раскрывает сущность каждой из категорий с учетом правовых последствий, ими вызываемых.

Еще одной особенностью общих положений о времени в ГК Украины по сравнению с ГК Республики Беларусь является менее качественное определение исковой давности как его разновидности. Так, согласно ст. 256 ГК Украины под исковой давностью понимается срок, в пределах которого лицо может обратиться в суд с требованием о защите своего гражданского права либо интереса. Построив отрицание приведенного предиката, будем иметь следующее утверждение: окончание исковой давности приведет к потере права на обращение в суд с требованием о защите своего гражданского права либо интереса. Такое определение несколько противоречит сути права на обращение в суд за защитой, определенного в ст. 3 ГПК Украины, которое является неотъемлемым правом любого участника гражданских правоотношений. То есть при подобном подходе смешивается материально-правовая и процессуально-правовая сущность права на иск, где под первым подразумевается право на удовлетворение искового требования о защите права либо интереса, а во втором – возможность подачи иска в судебную инстанцию. В сравнении с украинским законодательством белорусское более выгодно определяет исковую давность как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (ст. 196 ГК Республики Беларусь). Хотя и такое определение не является безупречным, поскольку не указывает среди предпосылок к подаче иска, кроме нарушения, иных форм

противоправного поведения, а именно непризнание, оспаривание права либо законного интереса уполномоченного лица.

В пределах института исковой давности следует указать еще на ряд различий в украинском и белорусском законодательствах. Так, ГК Украины (ст. 261) содержит расширенный перечень обстоятельств начала истечения исковой давности, в частности, дополнительно определяя среди них исковую давность в случае нарушения права либо интереса несовершеннолетнего лица, из требований о признании недействительной сделки, совершенной по влиянию насилия, о применении последствий ничтожной сделки. Кроме того, украинское законодательство, определяя общие правила начала истечения исковой давности, учитывает как объективный фактор осведомления о нарушении права, так и субъективный фактор осведомления о субъекте, нарушившем право, в то время как белорусское законодательство последнего критерия не содержит. Безусловно, включение субъективного элемента в состав юридической совокупности, являющейся начальным моментом истечения исковой давности, весьма положительно. Однако очевидно, что связь объективной и субъективной составляющих должна быть не через логическую дизъюнкцию, как то имеет место в ч. 1 ст. 261 ГК Украины, а именно конъюнкцию, что подчеркивает важность обеих элементов нормативного предписания и обеспечивает более высокую степень защиты уполномоченного лица.

Вместе с тем ст. 203 ГК Республики Беларусь содержит более широкий перечень оснований приостановления истечения срока исковой давности, включая также предъявление претензии и заключение соглашения о применении медиации. И, наконец, требования, на которые не распространяется исковая давность, согласно ст. 268 ГК Украины, дополнены требованием страхователя (застрахованного лица) к страховщику об осуществлении страховой выплаты (страхового возмещения), а также требованием центрального органа исполнительной власти, который реализует государственную политику в сфере государственного материального резерва, касаясь исполнения обязательств, которые возникают согласно Закону Украины «О государственном материальном резерве». При этом перечень указанных требований по законодательству обеих государств может быть дополнен иными законами.

Приведенные изложения автор не считает исчерпывающими и призывает научную общественность к дальнейшему исследованию временных величин в гражданском праве и гражданском процессе для определения истинной природы подобных юридических категорий как в пределах определенной национальной правовой системы, так и в компаративной плоскости.